

Впрочем, псалмопевец не оставляет нас в этой точке высшего недоумения. Он завершает свое творение единственным однозначно простым и до конца понятным выражением – непосредственным обращением к Богу (восьмой стих).

Здесь будет уместно вспомнить замечание А. Никкаччи, о котором было сказано выше: до сих пор не удалось выстроить никакую схему, которая объясняла бы употребление древнееврейских глагольных форм в поэтическом тексте. Можно высказать осторожное предположение, что едва ли удастся это и в будущем. Вероятно, причина кроется именно в такой особенности поэтического текста, как смешение и взаимопроникновение различных языковых уровней. Современные гебраисты склонны рассматривать глагольные формы в древнееврейском языке как своеобразный структурирующий элемент, синтаксически связывающий фразы и большие отрывки текста. Ту же самую роль играют и упомянутые выше так называемые 'prose particles'. Но в поэтическом тексте нарушение стандартных правил структурирования становится нормой, и поэтому обнаружить такие же четкие схемы, как в прозе, оказывается принципиально невозможно. Структура повествовательного текста линейна, тогда как поэзия принципиально многомерна. Многозначность, переосмысление текста – одна из основных ее характеристик.

Ненормативные переходы, неожиданные контрасты – как формальные, так и содержательные – создают внутреннее напряжение, необходимое для хорошей поэзии, напряжение, порождающее новые смыслы. Какие смыслы принять и как связать их между собой? Выбор в значительной степени остается за читателем.

А.С. Десницкий

POETRY AND PROSE IN THE OLD TESTAMENT

A.S. Desnitskij

Due to the absence of clearly established rules of versification in ancient Hebrew culture, it is impossible to make a strict division between poetry and prose in the Old Testament. Nevertheless, since antiquity some texts have stood out and been recognized as poetic in accordance with some highly pronounced features. These features are strong formal order and the repetition of elements, including the rhythmic ones (free tonic composition), as well as parallelism, alliteration, and emphatic speech, accentuating and focusing attention on a text's most important elements. In addition, "poetic" texts are characterized by concision and finish in their choice and presentation of material, as well as the enhanced variety of interpretations to which – by violating normative rules of grammar and textual construction – they give rise. In other, "prosaic" texts, these same features are less marked, when they are not entirely absent.

© 2002 г.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФАЛАНГИ ГОПЛИТОВ: ВОЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Одной из основных составляющих классического греческого общества являлась фаланга граждан-гоплитов, которая возникла в период так называемой «архаической революции». Как справедливо отметил Э.М. Снодграсс, процесс возникновения фаланги был длительным¹. Этот долгий процесс, который иногда именуют «гоплитской революцией», – однако скорее следует говорить о поэтапной эволюции – не стоял особняком от других сторон жизни древнегреческого социума, он был связан

¹ Snodgrass A.M. The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. 85. P. 110–115; *idem*. Hoplite Reform Revisited // DHA. 1993. 19. № 1. P. 61.

в первую очередь с оформлением полиса как основной ячейки эллинской государственности. Поэтому совершенно правомочно рассматривать данный процесс в связи с изменениями внутри самого общества. Ведь изменения в военном деле напрямую связаны с эволюцией общества, особенно это касается комплектования армии, что затем ведет к переменам в вооружении и тактике. Уже в архаическую эпоху у эллинов появляются разные модели военного дела, обусловленные региональными различиями: в Фессалии и на западном побережье Малой Азии устанавливается господство всадников, в Северной Греции продолжается «героическая» дофаланговая эпоха, а в Южной появляется фаланга гоплитов.

В историографии, особенно отечественной, многочисленные вопросы, связанные с появлением фаланги, обычно рассматривались в контексте социально-политического развития древнегреческого общества, в частности в связи со становлением полиса. Чисто военный аспект проблемы привлекал гораздо меньше внимания, в основном с точки зрения места и времени появления фаланги. Настоящая статья призвана дополнить картину генезиса фаланги гоплитов военным аспектом проблемы. В статье будет сделана попытка обрисовать наиболее общие тенденции в развитии и выявить основные этапы формирования фаланги с учетом региональных особенностей развития военного дела у древних греков.

Начать исследование необходимо с вопроса о том, какие мнения существовали в античности по поводу возникновения фаланги, ведь в древней традиции могут содержаться определенные исторические сведения, которые могут помочь проследить процесс формирования фаланги. В целом сами древние были склонны приписывать различные изобретения совершенно конкретным персонажам. Не является исключением и фаланга. Так, согласно одной версии, Пан первым придумал данное построение (Polyaen. I.2): «У Диониса стратегом был Пан; он первым изобрел строй, назвал [его] "фаланга", построил правое и левое крылья». Следовательно, сами эллины относили появление фаланги к незапамятным временам.

Кроме того, существовало и чисто евгемеричное объяснение названия (Schol. ad Nicand. Theriaca. 11): «Итак, Феофил, согласно Зенодоту, рассказывает, что в Аттике родилось два близнеца, [их] имена: Фаланг – мальчик, а Арахна – девочка; и Фаланг был научен Афиной вещам, [касающимся] гопломахии, а Арахна – ткачеству»². Таким образом, тут присутствует явно позднее объяснение, производящее фалангу от гоплитского боя, а ткачество от паука (ἀράχνη) и его паутины. Об этом же предположении свидетельствует и информация грамматика Филемона, сообщающего нам значения данного слова (Philemon. 257. s. v. φάλαγξ): «Фаланга: не только воинское построение, о каковом значении говорит Поэт [Гомер], но и, позднее, паук, большой и фалангообразный; строй; часть пальца человека; опора корабля». Из свидетельства Филемона можно заключить, что название «фаланга» распространилось на паука позднее. Само же слово «фаланга», как мы видим, у древних имело несколько значений. Евстафий более конкретно говорит о происхождении термина, комментируя один пассаж из «Илиады» (Eustath. ad Hom. II. IV.254 (469. 15–25)): «Фаланги – от брусков (τὰ φάλαγγια), как говорят древние; таким образом у них назывались палки, отсюда "боевые фаланги", когда древние сражались палками (τὰ ξύλα), дубинами и палицами, поэтому считается, что и мы называем строения из бревен фалангами. И никогда вследствие этого не называется созданное пауками на балках дома паутинами (φάλαγγια); возможно, и поставленные под суда опоры поэтому многие зовут киями (φάλαγγια)». Следовательно, Евстафий полностью отвергает связь названия строя с паутиной и указывает, что в древности господствовало мнение о происхождении слова от названия боевой палки-палицы.

Схолия к «Аргонавтике» Аполлония Родосского также согласуется с сообщением Евстафия (Schol. ad Apoll Rhod. II. 848): «Фаланга – вытянутая и закругленная палка (ξύλον)». Об этом же говорит и схолиаст «Илиады» (Schol. ad Hom. II. IV. 254

² См. Türk G. Phalanx. I // RE. Bd XIX. 1939. Sp. 1624–1625; Lammert F. Phalanx. 2 // Ibid. Sp. 1625.

(Dindorf): «Фаланг] Поэт сказал [об] отрядах воинов, так как в древности сражались палками (ξύλοϛ). Фалангами же древние называли палки (ξύλα). Следовательно, еще и мы строения из бревен (ἐκ ξύλων) называем фалангами». Таким образом, схолия повторяет в более краткой форме предыдущее сообщение. Первая часть объяснения Евстафия согласуется и с информацией Плиния Старшего (NH. VII. 200): «Первыми африканцы провели битву против египтян палками, которые зовутся фалангами» (ср. Hug. Fab. 274).

Итак, сами древние довольно логично объясняли происхождение названия строя тем, что в древности сражались дреколем, откуда и возникло название «фаланга». Плиний даже конкретно приписывает введение фаланги ливийцам, у которых данного строя не было вообще, но которые сражались с помощью дреколя. Таким образом, рассмотрев версии древних о происхождении фаланги, мы видим, что происхождение строя объяснялось просто тем, что в незапамятные времена сражались палками. Впрочем, данное объяснение составлено скорее всего позднее, исходя из народной этимологии.

Современные исследователи, рассматривающие проблему появления фаланги с военной точки зрения, выдвинули свои дополнительные предположения к трактовке древних. Так, Х. Туманс связывает название «фаланга» и с деревянным оружием, и с монолитным построением³. Х. Сингор считает, что термин «фаланга» первоначально обозначал оружие – обожженную на конце палку-копье; у Гомера, по его мнению, это слово применяется в качестве обозначения небольшой группы лучше вооруженных передовых воинов-копейщиков, построенных в одну линию⁴. Этимологи также полагают, что первоначально слово «фаланга» обозначало брусок дерева, а прочие значения – вторичны⁵. Возможно, действительно первоначально фалангами именовали деревянное ударное оружие, которым было вооружено большинство ополченцев. Позднее же данное название перешло и на наименование некоего отряда, которое затем уже превратилось в термин, обозначающий значительный отряд войска, так же как, например, это было позднее с термином «рыцарское копье»⁶. Таким образом, этимология слова не помогает нам понять проблему появления фаланги. Теперь обратимся к письменным источникам и археологии.

Определенное состояние военного дела, из которого стала развиваться фаланга, нам обрисовывает «Илиада» Гомера. В этом произведении, как считает большинство исследователей, представлены греческое общество и его военное дело IX–VIII вв. до н.э.⁷ Тут мы видим племенные отряды, состоящие из неплотно построенных ополченцев. Во фронте такого отряда обычно сражается вождь со своими спутниками-дружинниками, а также представители военной знати племени. Именно эти воины как наиболее состоятельные были вооружены лучше, чем остальные ополченцы. Судя по позднегеометрической вазописи, бойцы имели шлем, дипилонский щит и пару копий⁸, которые, как свидетельствует «Илиада», в основном метались (Hom. II. V.655–662; XI.359–358; XXII.273–276 etc.). Кроме того, на дипилонских вазах изредка мы видим и щитоносцев, имеющих три копья, без сомнения, метательных, о чем можно судить по историко-этнографическим параллелям (Tas. Germ. 6; Amm. Marc.

³ Туманс Х. Военная организация греков в архаическую эпоху // Античное общество: проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 7–8.

⁴ Singor H.W. Nine against Troy. On Epic *φάλαγγες πρόμαχοι* and an Old Structure in the Story of the Iliad // Mnemosyne. Ser. 4. 1991. 44. Fasc. 1–2. P. 23–28. Ср. Wees H. van. The Homeric Way of War // GR. 1994. 41. № 1. P. 15. Not. 9.

⁵ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. IV/2. P., 1980. P. 1173–1174, s. v. *φάλαγγις*; Singor. Op. cit. P. 26–28.

⁶ Lammert E., Lammert F. Schlachtordnung // RE. 2R. Hlbd. 3. 1921. Sp. 439.

⁷ См. Андреев Ю.В. Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. № 4. С. 3–10. В последнее время среди исследователей гомеровского военного дела намечается тенденция к его понижению: Singor. Op. cit. P. 18 (конец VIII – начало VII в. до н.э.); Wees. Op. cit. P. 146 (первая половина VII в. до н.э.).

⁸ Davison J.M. Attic Geometric Workshops. New Haven, 1961. Fig. 33, 35, 48a–b, 49–50, 69 a–b, 101, 111b.

XIV.2.7; Veget. I.20; Procop. Bel. Goth. IV.14.8; Ioan Eph. Hist. eccl. III.6.25)⁹. Кроме того, в могилах греческих воинов, датированных 900–700 гг. до н.э., также обычно находят два-три наконечника копья¹⁰. Лучники и пращники отмечаются Гомером особо как отдельные воины или как племенные формирования (II. II.718; IV.105–126; VIII.300; XI.369–376; XIII.650; этносы: II.720; XIII.712–718).

Знатные воины в силу своего статуса и для поддержания своей репутации должны были сражаться на передовой, и, следовательно, они являлись *πρόμαχοι* – передовыми бойцами. Таким образом, этот термин, очевидно, одновременно обозначал и место воина в строю, и военный статус бойца. Подобные знатные воины могли иметь колесницы в качестве средства транспорта к полю и на поле боя. Как убедительно показал Х. ван Веес, сражение гомеровских греков состояло в основном из метательного боя, иногда переходящего в рукопашную схватку¹¹. Подобную картину весьма длительного сражения спартанцев с мессенцами во время первой Мессенской войны (последняя треть VIII в. до н.э.) представляет нам и Павсаний (IV.10.2): «Итак, никаких отличий от предыдущей битвы не случилось: день и тогда ушел раньше от сражающихся. Все же не помнят, чтобы какое-либо крыло, или [еще] и лок, был потеснен; говорят, что строй, как [он] сначала был построен, не оставался [неизменным], но с обеих сторон лучшие сойдясь в середину, там всячески бились» (ср. Paus. IV.8.1). Отличие данного описания от картины, показанной в «Илиаде», состоит лишь в том, что у пелопонессцев отсутствуют колесницы, но имеются немногочисленные всадники (Paus. IV.7.4; 8.12; ср. IV.12.5). Вероятно, это местная особенность военного дела. Колесницы же, судя по всему, применяли греки Беотии, Аттики, Эвбеи и западного побережья Анатолии. Так, данный период развития военного дела принадлежал «героической эпохе», т.е. обществу, стоящему на предгосударственной ступени развития¹². В этот период собственно фаланга еще не сформировалась.

Дальнейшее развитие военного дела эллинов тесно связано, с одной стороны, с прогрессирующим расслоением общества, а с другой – с развитием всаднического искусства. В начальный период архаической эпохи усиливается имущественная дифференциация между землевладельческой знатью и основной массой населения. В силу развития аристократического этоса в первой половине VII в. до н.э. знатные воины все чаще сражались в рукопашную, перейдя к этому виду боя от более естественного для большинства людей метательного сражения – ср. Tyrt. 6–9; Archiloch. 3 (Diehl). При этом хуже вооруженные ополченцы оттесняются на второй план: это уже шаг к ближайшему бою, к тактике фаланги.

Э. Снодграсс полагает, что сначала появилось оружие гоплитов (около 675 г. до н.э.), а фаланга возникла позднее, в середине VII в. до н.э.¹³ Обычно на основании изображений на вазах так и считается: фаланга появилась в середине VII в. до н.э.¹⁴ Действительно, еще Аристотель отмечал, что было время, когда существовали

⁹ Lorimer H.L. The Hoplite Phalanx with Special Reference to the Poems of Archilochus and Tyrtaeus // BSA. 1947. 42. P. 79; Davison. Op. cit. Fig. 136. P. 129 (дата: после 735 г. до н.э.). У папуасов дугум-дани в середине XX в. было по одному ударному и по паре метательных копий (Wees. Op. cit. P. 8). Ср. с изображением на этрусской вазе щитоносцев с тремя легкими копьями (VII–VI вв. до н.э.): Small J.P. The Tragliatella Oinochoe // RM. 1986. 93. P. 64. Fig. 1.

¹⁰ Snodgrass A.M. Arms and Armour of the Greeks. L., 1967. P. 38–39. 72, 80; Courbin P. La guerre en Grèce à haute époque d'après les documents archéologiques // PGGA. P. 72. Not. 22.

¹¹ Wees. Op. cit. P. 1–9; также об этом см. Helbig W. Über die Einführungszeit der geschlossenen Phalanx // Sitzungsberichte der Königlich. Bayerischen Akad. der Wiss. Philosoph-philol. und hist. Kl. Abhandlungen. 1911. 12. S. 9–12.

¹² Nilsson M.P. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. 1928. Bd 22. Ht 3. S. 245.

¹³ Snodgrass. The Hoplite Reform... P. 111; *idem*. Arms... P. 74. П. Картледж же считает, что гоплиты с их оружием и фаланга появились с очень незначительным временным интервалом: Cartledge P. Hoplitcs and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare // JHS. 1977. 97. P. 20.

¹⁴ Кузнецов В.Ф. Археологические данные о времени введения гоплитской фаланги в этрусских полисах // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. С 153; Kleijn J.C. Данайская Илиада // ВДИ, 1990.

гоплиты, но еще не было фаланги: «Первая же после царей политейя у эллинов установилась из воинов, сначала – из всадников, ибо [тогда] всадники имели на войне силу и превосходство, поскольку гоплиты (τὸ ὀπλιτικόν) с самого начала были без организации (ἄνευ ... συντάξεως): не было у них опыта и строя, так что [вся] сила была у всадников» (Pol. IV.10.10.1297b). Состоятельные бойцы в последней четверти VIII в. до н.э. экипируются бронзовой кирасой, шлемом с высоким стоящим гребнем, круглым щитом с парой рукояток, центральной бронзовой и ременной, около края. Изображения на протокоринфских вазах показывают нам гоплитов, имеющих пару копий. Если судить по этноисторическим параллелям, то подобные копья должны были быть метательными (Procop. Bel. Vand. II.11.27), по крайней мере одно из них¹⁵. На такой вывод нас наталкивают и некоторые изображения. Так, на архаической костяной печати из Перахоры (ранее 660 г. до н.э.) изображен поединок воинов, которые уже бросили по одному копьё, а вторым и сражаются врукопашную¹⁶. На вазе Киджи (около 650 г. до н.э.) мы видим пару копий различной длины с петлями, на черепке из Перахоры (625–550 гг. до н.э.) тоже показана пара копий, одно тяжелое, а второе легкое; также два копья – одно тяжелое, другое легкое с петлей – нарисованы на протокоринфском арибалле (вторая половина VII в. до н.э.)¹⁷. Однако на изображениях боев воины не мечут копья. Даже сражающиеся врукопашную и раненые держат пару копий. Возможно, тут присутствует некий элемент художественной условности, но вместе с тем, вероятно, второе копьё, которое гоплит постоянно держит в левой руке, становится не метательным, а запасным¹⁸. Очевидно, это особенность греческого вооружения. О том же свидетельствуют и археологические данные о втоках, обычно используемых лишь на неметательных копьях: они исчезают в конце бронзового века и появляются вновь только в VI в. до н.э. (когда окончательно исчезает второе копьё у гоплитов) и распространяются в следующем столетии¹⁹. Следовательно, гоплиты еще не избавились от второго копья, которое стало не метательным, а запасным вследствие перехода к ближнему бою.

Очевидно, сначала тяжеловооруженных знатных бойцов было немного, они стояли на наиболее важных участках боевой линии (Paus. IV.7.8–12; 16.1–4). Первоначально подобные немногочисленные гоплиты строились в одну шеренгу, как это нам представляет вазопись²⁰. Даже позднее, в бою с аркадянами у Дипеи (около 471 г. до н.э.), спартанцы, если только доверять риторике Исократа (VI.99), сражались, построившись в одну шеренгу. Именно схватка тяжеловооруженных знатных воинов и решала исход битвы. Очевидно, данная фаза являлась начальной в процессе образования фаланги в ее классическом виде. Во время столкновений однородных отрядов, при прочих равных возможностях, победу скорее всего одержала бы та сторона, которая

№ 1. С. 47; Андреев Ю.В. Кто избрал греческую фалангу? // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7. С. 39; Туманс. Ук. соч. С. 14; Helbig. Über die Einführungszeit... S. 40; Nilsson. Die Hoplitentaktik... S. 244; Lorimer. The Hoplite Phalanx... P. 82, 128; Courbin. La guerre... P. 89; Salmon J. Political Hoplites? // JHS. 1977. 97. P. 87. Отметим, что В.Д. Блаватский относил время появления фаланги даже к героической эпохе возвращения Гераклидов (Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 225–229).

¹⁵ Об этом см. Anderson J.K. Hoplite Weapons and Offensive Arms // Hoplite: The Classical Greek Battle Experience / Ed. V.D. Hanson. L. – N. Y., 1991. P. 19.

¹⁶ Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia / Ed. T.J. Dunbabin. V. II. Oxf., 1962. P. 417. Pl. 177. A. 35.

¹⁷ Lorimer. The Hoplite Phalanx... P. 81. Fig. 2; Perachora. V. II. P. 236–237. Pl. 79. Not. 2269; Snodgrass A.M. Early Greek Armour and Weapons. Edinburgh, 1964. Pl. 33.

¹⁸ Такое же мнение см. Snodgrass. Arms... P. 58; Anderson. Hoplite Weapons... P. 20; ср. Андреев. Кто избрал греческую фалангу? С. 38–39.

¹⁹ Snodgrass. Early Greek Armour... P. 133; Anderson. Hoplite Weapons... P. 24.

²⁰ См. Lorimer. The Hoplite Phalanx... P. 84. Fig. 3; P. 102. Fig. 10. См. также Жмодиков А.Л. Этапы развития фаланги // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конф. 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 89–92.

имела бы более глубокий строй (ср. Xen. Anab. IV.8.11)²¹. Поэтому количество шеренг постепенно растет. Так, на вазе из собрания Киджи мы наблюдаем уже по две шеренги у обеих сражающихся сторон. По мере прохождения процесса демократизации общества в полисах растет число представителей среднего состоятельного класса, способных иметь паноплию. В некоторые полисах только тот, кто обладал гоплитским вооружением, получал и гражданские права (ср. Arist. Ath. pol. 4.2; Pol. IV.10.10. 1297b). Вследствие этого увеличивается число гоплитов и соответственно растет количество шеренг в строю фаланги. Количество шеренг в фаланге достигает восьми. Очевидно, это наиболее рациональное количество, выработанное опытным путем (Thuc. IV.94.1; VI.67.1; Xen. Hell. II.4.34; III.2.16; VI.2.21; Polyae. II.2.9)²². Вместе с тем количество шеренг могло быть как меньше этого числа, так и больше (ср. Thuc. V.68.3). В течение VI в. до н.э. у тяжеловооруженных воинов исчезает второе копьё, некоторые элементы защитного вооружения, более характерные для индивидуального боя (оплечья, наручи, набедренники, налодыжники, настопники).

Естественно, что армия греков в эпоху архаики не состояла исключительно из гоплитов. Посмотрим, как развивалась в архаический период греческая конница и соответственно как она взаимодействовала с гоплитами. В данный период мы встречаем верховых гоплитов, которые впервые были атрибутированы на вазописи немецким исследователем В. Гельбигом²³. Конь служил таким гоплитам лишь средством транспорта к полю боя. Следовательно, в данном контексте конь лишь сменил колесницу в гомеровской «транспортной» функции. При этом возничий превратился в конного сопровождающего-оруженосца, который, как считает А. Альфельди, был не просто конюхом, но являлся представителем младшего поколения знатного рода, готовящимся стать полноправным воином²⁴. Э. Снодграсс полагает, что эти ездящие гоплиты не упоминаются в исторических источниках²⁵. Однако в лексиконах мы можем найти информацию о подобных верховых воинах. Так, Суда поясняет значение термина ἄμιπποι следующим образом: «Гамиппы – [так], говорят, в древности называлась бига: два коня, запряженные вместе за шею. На одном был возница, а на другом – гоплит. И сейчас алибы [ливийцы?], называемые зевгниты, пользуются [этим]. То же самое и "гамипп" зовут. Так [говорит] Фукидид» (Suid. s. v. ἄμιπποι)²⁶. Таким образом, речь идет о верховой паре: вознице и гоплите. Однако у Фукидида (V. 57. 3) и позднее Ксенофонта (Hell. VII. 5. 23–25; ср. Arist. Ath. pol. 49. 1) данный термин уже обозначал пехотинцев, сражающихся вместе со всадниками (см. Нагрос. s. v. ἄμιπποι; Suid. s. v. ἄμιπποι). Евстафий также объясняет значение исследуемого слова (Eustath. ad Hom. Odys. V. 371 (P. 1539)): «Павсаний рассказывает и о неких всадниках, гамиппах, говоря, что гамиппы – так называли коней, запряженных без кузова, когда на двух верховых [коней, как] говорят, поднимались один [ездок] из возниц, а другой – гоплит. Итак, поскольку оба сидят вместе (если собственно об обоих говорится), [то] их считают гамиппами». И наконец, определенное различие в терминах пытаются установить «Ораторские выражения» (Anecd. Graec. I. 205, s. v. ἄμιπποι): «Если через ν будет написан слог, анипп, [то это] означает не имеющих коней, но пеших. А если через μ, гамипп, [то] собственно это и означает имеющих коней, запряженных ремнями без ярма, и [притом] один [человек] правит, а другой сражается». Впрочем

²¹ Ср. Krentz P. The Nature of Hoplite Battle // Classical Antiquity. 1985. V. 4. № 1. P. 59–61.

²² См. Pritchett W.K. Ancient Greek Military Practices. Pt I. Berkeley – Los Angeles, 1971. P. 135–137.

²³ Helbig W. Les ἄμιπποι athéniens // Mémoires de l'Institut National de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1904. T. 37. P. 157–264.

²⁴ Alföldi A. Herrschaft der Reiterei in Griechenland und Rom nach dem Sturz der Könige // Gestalt und Geschichte. Festschrift Karl Scheffold zu seinem sechzigsten Geburtstag am 26. Januar 1965. Bern, 1967. S. 21–23; ср. Helbig. Les ἄμιπποι... P. 175–176, 208–214, 260–261, esp. 198–199 (гипереты состояли обычно из земледельцев, но были и более знатные).

²⁵ Snodgrass. The Hoplite Reform... P. 115.

²⁶ Об этом подробнее см. Scheffer J. De re vehiculari veterum. Lib. II. Francofurti, 1671. P. 143–145; Martin A. Les cavaliers athéniens (Bibliothèque d'Athènes et de Rome. Fasc. 47). P., 1886. P. 410–411.

и тут ничего не говорится о том, что при таком способе боя гоплит спешивается. Однако об этом, вероятно, упоминает Суда (Suid. s. v. ἄμλιππος): «Гамиппы, согласно Исею, – сражающиеся [вместе] с конями. Другие же говорят, что некие кони запрягались и скачущий на них был носим ими, привозился [в нужное место], и назывались они гамиппы. Фукидид и Ксенофонт показывают гамиппов пешими» (ср. Nagrosrat. s. v. ἄμλιππος).

Итак, древние комментаторы считали гамиппами пару всадников, один из которых был возницей и держал вожжи обеих коней, тогда как другой наездник-гоплит, спешившись, сражался. Тут перед нами предстает очередная переходная от колесниц к настоящим всадникам фаза развития искусства верховой езды. В силу неразвитости последней наездник не сражался верхом, но он нуждался в сопровождающем, который наблюдал бы за конем во время боя. Причем, как правило, верховой гоплит спешивался и лишь в некоторых редких случаях он мог сражаться верхом²⁷. Щит в таких случаях оставлялся оруженосцу. Кроме того, легковооруженные всадники-пажи также могли сражаться, метая во врага дротики²⁸. А. Альфельди, основываясь на неверной интерпретации двух изображений на аттическом и коринфском сосуде первой половины VI в. до н.э., считает, что колесничный парабат стал пешим гоплитом-гамиппом, а верховой гиперет – всадником²⁹. Однако подобное усиление конницы пехотинцами – явление в Греции более позднее, призванное усилить своих всадников в боях против вражеской конницы. Впрочем, происхождение подобного «дуэта» (всадник и гамипп) можно все же усмотреть в конной паре, состоящей из гиперета и гоплита (ср. Front. Strat. IV. 1. 6). Эта пара могла трансформироваться в пешего легковооруженного воина-сопровождающего, к которому собственно и перешло название «гамипп», и во всадника – знатного господина, который сражался в коннице³⁰. Очевидно, подобное развитие характерно было для Беотии, где конница была достаточно развита (Thuc. V. 57. 3; Xen. Hell. VII. 5. 24–25). Позднее гамиппов стали использовать и другие греческие государства. Итак, вероятно, первые немногочисленные тяжеловооруженные воины эпохи архаики были верховыми гоплитами, которые, спешившись, составляли шеренгу бойцов.

В это же время могли существовать и немногочисленные настоящие всадники, которые в бою не играли значительной роли, а выполняли в основном различные вспомогательные функции: разведка, передача сообщений, патрулирование, внезапные набеги и т.д.³¹ Вероятно, именно такие функции были возложены и на 96 всадников, поставляемых в VII в. до н.э. афинскими навкрариями (Poll. VIII. 108; ср. Herod. I. 63). Павсаний так рассказывает о сражении у рва во время первой Мессенской войны: «В этой битве с обеих сторон сражались или только, или почти [одни] гоплиты. Немногие были на конях и ничего, что запомнилось, не совершили; ибо, право, не лучшими тогда в езде были пелопоннесцы» (IV. 8. 12). По-видимому, в источнике речь шла о настоящих всадниках, которые в самой битве не играли практически никакой роли³². В целом же развитие фалангового способа боя, неразвитость всаднического искусства и неудобство местности не позволили развиваться коннице в Южной Греции. Следовательно, предположение Х. Туманса о появлении фаланги

²⁷ Ср. Дельбрюк Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. Т. I. СПб., 1994. С. 202; Greenhalgh P.A.L. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Camb., 1973. P. 106–107.

²⁸ См. Greenhalgh. Early Greek Warfare... Fig. 56, 64–65; Tuna-Nördling Y. Die attisch-schwarzfigure Keramik und der attische Keramikexport nach Kleinasien. Tübingen, 1995. S. 77. Taf. 37, 93.

²⁹ Alföldi. Op. cit. S. 19.

³⁰ Ср. Meyer E. Das römische Manipularheer, seine Entwicklung und seine Vorstufen // Kleine Schriften. Bd II. Halle (Saale), 1924. S. 276. Anm. 1.

³¹ Anderson J.K. Ancient Greek Horsemanship. Berkeley – Los Angeles, 1961. P. 130; Bugh G.R. The Horsemen of Athens. Princeton, 1988. P. 4–5.

³² Другое мнение: Worley L.J. Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece. Boulder – San Francisco – Oxford, 1994. P. 2–3, 23–26, 229.

в Арголиде в качестве строя против конницы³³ не выглядит убедительным вследствие немногочисленности и малого значения в бою пелопоннесских всадников в архаическую эпоху.

Легковооруженные пехотинцы в период становления фаланги, как и позднее, набирались, очевидно, из менее состоятельных слоев общества (ср. *Agist. Pol.* VI. 4. 3–4. 1321a). Причем они даже в классическую эпоху, когда фаланга господствовала на поле боя, были более многочисленными, чем гоплиты (*Herod.* IX. 29–30; *Thuc.* IV. 93. 3–4; 94. 1)³⁴. В бою силы обычно играли второстепенную роль, зачастую находясь просто в тылу. На это указывает и Павсаний, рассказывая о том же сражении у рва (*IV.* 8. 12): «Легковооруженные же у мессенцев и критяне у лакедемонян совсем даже не вступали в бой, ибо обои еще были построены по древнему способу за своими пешими (= гоплитами)». Вместе с тем, легковооруженные, стоя за шеренгами гоплитов, могли метать в противника камни и дротики – именно этим оружием они были обычно вооружены (*Hom.* II. XIII. 721–722; *Turt.* 8. 35–38; *Paus.* IV. 11. 3; VIII. 18. 4). Впрочем, как и в рыцарском средневековье, легковооруженные во многих случаях играли важную роль во время осад, неожиданных налетов, засад, они же охраняли военные стоянки и т.д. (*Paus.* IV. 11. 3–7). Однако в аристократическом обществе у архаических греков, как и в средневековой Европе, господствовал героический этос ближнего боя и соответственно презрение к лучникам, которое проявляется уже у Гомера (*Hom.* II. XI. 385; 390; *Procor. Bel. Pers.* I. 1. 8–15)³⁵. Это мировоззрение нашло свое логическое выражение в договоре между Халкидой и Эретрией, заключенном во время Лелантской войны, согласно которому в военных действиях запрещалось пользоваться «дальнебойным метательным оружием» (*Strabo.* X. 1. 12: *τηλεβόλοισ*)³⁶. Таким образом, господство тяжеловооруженной аристократии на поле боя соответствовало ее идеологии.

Другую схему эволюции военного дела греков мы можем наблюдать на примере Этолии и Акарнании, где вплоть до периода эллинизма существовала «героическая» фаза развития военного дела. Войска этих этносов состояли главным образом из дротикометателей, действовавших в рассеянном боевом порядке, тогда как гоплиты были менее многочисленны и не играли в бою решающей роли (*Thuc.* III. 94. 4–98. 3). В период эллинизма в данных областях перешли не к фаланге как к основному роду войска, а к коннице, поддерживаемой пешими фирофорами, действовавшими по способу пельтастов. Следовательно, переход осуществился к современным для этой эпохи, типично эллинистическим родам войск.

Альтернативный фаланге путь эволюции военного дела у греков – это путь развития конницы. Если генеральный для Южной Греции путь развития идет от колесниц к верховым гоплитам, то в некоторых областях от колесниц перешли к всадникам. Еще Аристотель (*Pol.* IV. 10, 10) отметил связь олигархической формы правления и господства конницы на поле боя. Кроме того, такому развитию военного дела способствовали и другие условия: наличие удобных пастбищ и влияние соседнего населения. Господство конницы на поле боя в архаический период мы можем наблюдать на Эвбее (Халкида и Эретрия), в Фессалии и Македонии, на западном побережье Анатолии (Колофон и Магнезия на Меандре), в Великой Греции (Кимы и Сибарис)³⁷. В этих полисах были и тяжеловооруженные пехотинцы, которые на поле боя играли второстепенную роль (ср. *Plut. Amat.* 17.4–7 = *Mor.* 760 E–F). Впрочем, фаланга и позднее существовала в этих областях, взаимодействуя с конницей в бою.

³³ *Туманс.* Ук. соч. С. 14.

³⁴ *How W.W.* *Arms, Tactics and Strategy in the Persian War* // *JHS.* 1923. V. 43. Pt 2. P. 121.

³⁵ *Detienne M.* *La phalange: problèmes et controverses* // *PGGA.* P. 123–126; *Holladay A.J.* *Hoplites and Heresies* // *JHS.* 1982. 102. P. 97, 103.

³⁶ *Lorimer.* *The Hoplite Phalanx...* P. 118.

³⁷ *Herod.* V. 63; *Thuc.* I. 63.2; II. 100.5–6; *Arist.* *Pol.* IV. 3.2 (1289b); 10.10 (1297b); fr. 611.50 (Rose); *Strabo.* XIV. 1. 28; *Dion. Hal. Ant. Rom.* VII. 3. 11; *Plut. Amat.* 17.4–9 (*Moral.* 760 E–F); *Polyaen.* VII. 2. 2; *Ael. Var. hist.* XIV. 46; *Nat. anim.* XVI. 23.

Вероятно, были и попытки искусственно создать конницу. Так, Аристотель рассказывает (Arist. fr. 611.39 Rose): «Фидон, славный муж, учредил для большинства граждан закон, постановивший, [что] необходимо каждому выращивать коня». Можно было бы подумать, что речь в этом сообщении идет о знаменитом тиране Аргоса Фидоне (примерно первая половина VII в. до н.э.), который тут назван ἀνὴρ βόκιμος. Однако тогда не понятно, зачем тирану понадобилось развивать свою конницу. Ведь он с успехом воевал с пелопоннесцами, которые, как известно, не были искусными всадниками (ср. Isocr. V. 51)³⁸. Если же в Восточном Пелопоннесе во время Фидона еще не было фаланги, то тогда подобная реорганизация войска понятна: усиление конницы для борьбы против некомпактно построенной пехоты врага. Однако, чтобы успешно противостоять пешим, всадники должны обладать искусством верховой езды, поскольку в одиночном бою пехотинец является достаточно опасным противником для всадника (Caes. B. G. V. 16)³⁹. А пелопоннесцы в архаическую эпоху не были искусными наездниками. Вероятно, в данном пассаже упоминается все же не аргосский тиран. В этом фрагменте Аристотеля, сохранившемся у Гераклида Понтийского (Heracl. De reb. publ. XI. 6), речь шла о некоем законодателе из эолийской Кимы, о чем можно судить по контексту: в предыдущих параграфах говорилось о кимейцах (FHG. II. 217), ведь обычно отдельные главы этого сочинения Гераклида посвящены какому-нибудь одному государству.

Очевидно, некоторую промежуточную стадию в развитии военного дела древних греков представляет Беотия. Здесь в классическую эпоху существовала тяжеловооруженная пехота, построенная в глубокий строй, который Эпаминонд довел до 50 шеренг (Xen. Hel. VI. 4. 12)⁴⁰. Конница же беотийцев также была одной из лучших в Греции (ср. Herod. IX. 68). Однако обычно глубокое построение пехоты объясняется или плохим ее качеством (ср. Thuc. VI. 67. 2), или удобством такого строя для марша на пересеченной местности⁴¹. Поскольку уже у древних Беотия считалась «площадкой для войны», то второе предположение отпадает (ср. Herod. IX. 2). Следовательно, можно остановиться на первом предположении⁴². Вероятно, лучше натренированная беотийская знать служила в коннице, тогда как пехота состояла из многочисленных, но недостаточно обученных ополченцев-крестьян. Поэтому главную роль в пешем войске фиванцев играл «Священный отряд» из 300 отборных воинов. Именно этих бойцов при Делии (424 г. до н.э.) ставят на фронте беотийцев, чтобы они служили ударной силой для построенной позади них пехоты: «У беотийцев на правом крыле были построены фиванцы, а на левом – орхоменцы; беотийцы же заполнили центр фаланги; а впереди всех сражались триста отобранных мужей, называемых у них возницами и парабатами» (Diod. XII. 70. 1; ср. Asclep. Tact. 3. 5; Ael. Tact. 13. 1–2; Ag. Tact. 12. 1–2). Таким образом, в Беотии мы находим и хорошую конницу, и достаточно боеспособную пехоту.

Итак, самую общую схему развития фаланги в Южной Греции можно представить следующим образом. Первоосновой, из которой стала развиваться фаланга, послужили глубоко построенные племенные отряды. Это – первая, дофаланговая, фаза развития. В первой половине VII в. до н.э. знатные тяжеловооруженные пехотинцы оттеснили легковооруженных ополченцев на второй план. Такие немногочисленные гоплиты ехали до поля боя на конях, но сражались пешими, построившись первоначально в одну шеренгу. Это – вторая фаза эволюции. Количество шеренг гоплитов

³⁸ Salmon. Political Hoplitcs? P. 97.

³⁹ Ср. Денисон Г. Организация, вооружение и употребление кавалерии на войне / Пер. с нем. под ред. А. Риттера // Военная библиотека. Т. VIII. СПб., 1872. С. 5.

⁴⁰ How. Arms... P. 122.

⁴¹ Aganeev A. Опыт истории развития стратегии и тактики наемных и постоянных армий новых государств. Вып. 1. СПб., 1902. С. 234, 242.

⁴² Кроме того, Э. Голдсуорси также полагает, что глубина придавала еще и силу натиску фаланги фиванцев (Goldsworthy A.K. The Othismos, Myths and Heresies: The Nature of Hoplite Battle // War in History. 1997. V. 4. № 1. P. 25).

в отрядах постепенно растет и, очевидно, в конце VII–VI в. до н.э. фаланга окончательно оформляется как плотное линейное построение пехотинцев в паноплиях в несколько шеренг. К концу же VI в. до н.э. складывается и вооружение гоплитов в классическом виде⁴³. Фалангу в уже окончательно оформленном виде мы обнаруживаем в Марфонской битве (Herod. VI. 111).

А.К. Невёдкин

THE MAIN STAGES OF HOPLITE PHALANX DEVELOPMENT, FROM A MILITARY STANDPOINT

A.K. Nefedkin

The etymology of the word «phalanx» provides no clues as to its origin. Originally, «phalanx» may have designated a wooden weapon used for striking, with which the majority of levies were armed. Later, the word came to designate a sub-unit of fighters (a similar evolution can be observed with regard to the term «knight's lance»). Then the word evolved into a term designating an important military unit.

The most commonly accepted scheme of development with regard to the latter military unit – which evolved largely in southern Greece – can be represented as follows:

The basic structure out of which the phalanx was to develop was present in deeply organized tribal detachments, which were described by Homer. This was the pre-phalanx phase of the unit's development. These formations changed in the first half of the seventh century BC, when noble and heavily armed infantrymen relegated lightly armed levies to the background. The latter were considerably larger in number than the hoplites, but they hardly participated in combat, remaining in the rear. The far less numerous hoplites reached the field of battle on horseback, then left their horses with armor bearing squires and fought on foot (as is revealed by lexical sources). Originally, hoplites fought in one rank. In archaic times, a cavalry was sparse in number, and played a subsidiary military role, except in Thessaly, the western seaboard of Anatoly, and Great Greece. In Boeotia, distinguished hoplites gradually became horsemen, and their armor bearers became hamippos. This was the second phase of the phalanx's evolution.

The number of hoplite ranks in a phalanx gradually grew. Thus, on the vase of Chigi (dating from the middle of the seventh century BC) we already see two ranks of hoplites. This increase in the number of ranks added to the steadiness of the hoplite formations in battle. By the end of the seventh and beginning of the sixth centuries, BC, the phalanx had finally become a solid linear formation of hoplites deployed in several ranks, and by the end of the sixth century BC the classic hoplite panopoly, including weapons (one spear) and armor, had been fully developed. This is the third and final phase of phalanx formation.

---

⁴³ *Anderson J.K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley – Los Angeles, 1970. P. 24.*